

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-34

Иллюстрация на обложке Ю. *Девятовой*

Че, Виктор.

Ч-34 Синдром самозванца / Виктор Че. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Метод профайлера. Психологический триллер).

ISBN 978-5-04-202071-1

В разное время на разных рейсах погибают сразу три стюардессы одной и той же авиакомпании. Первая найдена бездыханной рядом с отелем вскоре после посадки самолета в Лос-Анджелесе. Вторая, как показало вскрытие, была отравлена цианидом в воздухе во время рейса в Пекин. Тело третьей обнаружили в одной из подворотен после приземления в Иркутске.

Следствие приходит к выводу, что ко всем трем смертям причастен пилот Павел Отлучный. Каждая из погибших имела с ним отношения, и в каждом случае у него был мотив расправиться с жертвой. Его осуждают на пожизненный срок как серийного убийцу. Казалось бы, правосудие восторжествовало...

Однако руководство профсоюза авиационных работников в корне не согласно с таким приговором... Оно обращается к профайлеру Виктору Черемушкину, чтобы тот, используя свои необычные способности, помог установить истину. И чем глубже он погружается в детали преступлений, тем страшнее становятся его выводы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Че В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-202071-1

■ Глава первая

ВИТЯ

Москва, сентябрь 2022 года

— Вы мучаете людей, — сказала Диана. — Это надо прекращать. Вы сами остановитесь или помочь?

Глаза девушки смотрели недобро, словно я украл у нее котенка. Припухлый от простуды нос влажно шмыгнул. Надеюсь, у нее не коронавирус. Говорят, насморк теперь не показатель модной болезни: столько штаммов развелось, что не разберешь, где «корона», а где нет.

На всякий случай я отодвинулся подальше и стал дышать в сторону.

Диана выжидательно молчала. Наверное, рассчитывала, что кинусь обниматься и благодарить за открытие глаз на страшную правду. А когда немного успокоюсь, то примусь вопрошать севшим голосом, как же мне быть дальше.

Но ничего подобного делать я не собирался.

В голове сформировался план действий: позвать официанта, попросить счет, не отвечать ни на один во-

прос, уйти и никогда больше не соглашаться на подобные встречи. Вместо этого я зачем-то произнес:

— И как же я мучаю людей?

Безнадежно, просто безнадежно. Зачем я спрашиваю?

— Вы пишете на интересную тему, — ответила Диана. — Оторваться невозможно. Я прочитала все, что вы опубликовали. Но это же каторга. Самая настоящая.

— Я вас не понимаю, — сказал я.

Диана обхватила ладонями чашку с черным имбирным чаем, сделала большой глоток и снова шмыгнула носом. Нет, все-таки это «корона», через три дня свалюсь со страшной температурой и буду мучительно умирать.

— Попробую вам объяснить, — сказала Диана. — Правда, я не уверена, что получится... Похоже, я начала не с того, и теперь вы никак не сможете отделаться от мысли, что мучаете людей. Мне очень жаль, правда, очень. Короче, давайте я начну сначала?

— Только недолго, — сухо ответил я, — вы и так подзатынули интригу.

Диана сделала глоток чая, сочно шмыгнула носом и продолжила:

— Да, извините. Вижу, что вы негативно настроены, но что уж поделать... Я про... В смысле, оплошала. В общем, тема текстов захватывающая. Никто в России этого не делает. Вроде бы очевидно, что должны заниматься, мы же не какая-нибудь развивающаяся страна. У нас впереди планеты куча всего, но не криминология, увы.

— То, чем я занимаюсь, — криминалистика, — поправил я ее, — это разные науки. Но не суть. Продолжайте.

Диана свела глаза в кучу, подняла указательный палец и повторила, беззвучно шевеля губами: «Криминалистика».

— В общем, — сказала она, — я прочла все, что есть в художественной литературе, но на научную меня не хватило. Читаю и не понимаю, о чем вообще речь. Как связаны между собой виктимо... виктими... что-то-там-логия и профилирование?

— Виктимология, — подсказал я.

— Да, она самая, — улыбнулась Диана и снова кивнула. Повторять ритуал с запоминанием она не стала. Видимо, виктимология была в ее картине мира дальше от профилирования, чем нужно.

— Я не понимаю...

— Я не тупая, — зачем-то сказала Диана и, увидев мое выражение лица, принялась тараторить: — На самом деле я профессионал в глянцевої журналистике, но вы и сами прекрасно знаете, где сейчас все мои коллеги. Кто-то пытается плыть дальше, гребя глянцевыми веслами, а я хочу круто изменить специализацию.

Последнее слово у нее застряло в горле, она схватила чашку, но та уже была пустой. Я взял чайник и подлил. Диана кивнула и сделала большой глоток, поперхнулась, закашлялась. Из носа у нее полился — надеюсь — чай, она хрюкнула, принялась стучать в грудь кулаком. Я наблюдал за представлением и думал: вот если она сейчас задохнется, буду ли я последней скотиной, когда встану и молча уйду? Конечно буду. Надо хоть для виду попытаться ее спасти.

— Вам помочь? — спросил я, не двигаясь с места.

Диана, пунцовая от кашля, покачала головой, сделала три внушительных «гхэка» и успокоилась.

— Блин, думала, ежа рожу, — сказала она сильным голосом, — извините.

— Так что вы все-таки хотели мне сказать, Диана?

— Я сейчас чуть не умерла, поэтому, пожалуйста, забудьте все, что я сказала до этого, обнулитесь. Сможете?

Да что же такое-то? Все же решение уйти было верным. Где чертов официант?

— Вы ищете способ тактично позвать официанта? Не выйдет. Их тут надо арканом отлавливать. И так, зовут меня Диана Соловьева, я журналист. Раньше я делала интервью с селебами. Как вы знаете, глянец покинул страну, пришлось менять специализацию. Все мои братья, кто остался не у дел, осели в телеграм-каналах, но мне неинтересно там. Я решила сконцентрироваться на более серьезном деле. Криминальная журналистика.

— Похвально. А я здесь при чем?

— Обнулиться не получилось, — со вздохом подытожила Диана. — Ладно, я все равно продолжу. Криминальные новости — это очень скучно. Фактура скупая, интерес молниеносный, поверхностный. Аналитика в новостях — жанр непопулярный. Зато расследования — это тема. Просмотры не сногсшибательные, но контент интригующий, долгоиграющий. Можно экспериментировать с форматами: не только текст, но и подкасты, например. Или даже канал на Ютубе. Или в Телеграме.

— Все еще не понимаю, при чем тут я.

— Скажу как есть: пишете вы ужасно. Это так нудно, так топорно... Вы мастер канцелярита. Бог длинных предложений. Ювелир скучных тестов. Это надо прекращать. Нельзя так писать и показывать это людям.

— И вы встретились со мной, чтобы сообщить мне это?

— Да.

— Спасибо, это очень любезно. Могли просто насрать в комментариях.

— Вам там и так достается.

— Написали бы в личку.

— Вы бы меня заблокировали — и все.

— Что мешает мне заблокировать вас сейчас? Я ухожу.

— Нет, Виктор, подождите. Простите, если все это было грубо. Да, пожалуй, это и было грубо...

— Диана, остановитесь, — сказал я. — Я понял, что вы пытаетесь донести. Тема, да? Вам тема нравится? Так возьмите ее, работайте. Она мне не принадлежит. Я занимаюсь этим по фану, просто нравится. Я не заблокировал другим возможность изучать профайлинг. Вперед!

— Я для этого слишком тупая, — ответила Диана. — Говорю как есть.

Кажется, она использовала уже все известные ей методы психологического воздействия.

— Ничем помочь не могу, — сказал я.

— Можете, если захотите.

— С чего бы?

— У меня есть реальное расследование. Мы вместе его сделаем, а потом я напишу книгу.

Я рассмеялся.

— Что в этом смешного? Вы сами не напишете ничего. Вы бездарь, Виктор. Ну, признайтесь же себе.

— Себе? Или вам?

Да, я обиделся. Слова Дианы поначалу не сильно задевали. Это было неприятно услышать, не скрою, но, в общем-то, бокал просекко вечером, серия-другая «Анатомии страсти» — и все, тема бы отпустила. Сейчас я уже не был так уверен. Эта маленькая хрупкая девуш-

ка в толстом сером свитере меня обидела. И даже не на любовном фронте.

Диана была во многом права. Мне доставалось от комментаторов. Поначалу я отвечал яростно, многословно, потом устал и закрыл комментарии, но люди начали долбиться в личку. Они не стеснялись в выражениях, слали гадости, сообщали, что их дети-дошколята, кошки, рыбы, пьяные мужья — выбор велик — пишут лучше. И мои тексты читать невозможно. Один комментарий мне запал в душу так глубоко, не достать его и не выкинуть: *«Если бы нужно было намеренно сильно оскорбить русский язык и литературу, это бы поручили вам»*. Я перестал читать отзывы, не заглядывал в сообщения. Просто писал и публиковал. Смотрел на число просмотров и представлял, что каждый прочитавший доволен.

Конечно, были и те, кому мои статьи нравились. Они ставили лайки и писали что-то вроде: «Аффтар пешы исчо». Более-менее содержательные положительные отзывы мне пока не встречались.

— Витя, вы специалист в профайлинге. Я — в текстах. Давайте работать вместе. Напишем классную книгу. Мы можем сделать это. Вместе.

— Я могу сделать это сам, — сказал я. — Вы мне для этого не нужны.

— Очень нужна, — ответила Диана. — И скоро вы это поймете. Очень скоро. Жаль, что мы потеряем столько времени, но, видимо, придется с этим смириться. Вы в этом не виноваты, тут накосячила я. Сорри.

— Диана, вы неподражаемы, — рассмеялся я, — вы меня оскорбили, принизили мои достижения, еще и под конец чувство вины пытаетесь привить. Ну честное слово, хватит. Остановитесь.

— Хорошо, я заткнулась, — сказала она и впрямь умолкла. Осторожно сделала глоток чая, улыбнулась, шмыгнула носом.

Я подозвал официанта, попросил нас рассчитать. Он тут же достал терминал, я приложил карту, которая снова поселилась в кармане, потому что айфоном теперь заплатить нельзя. Лента с пиканьем вылезла из щели, официант оторвал ее, выразительно посмотрел на кьюаркод с безналичными чаевыми и удалился.

Я улыбнулся, взял с соседнего стула сумку и сказал:

— Всего вам доброго, Диана!

Диана кивнула и шмыгнула носом.

РАСШИФРОВКА ИНТЕРВЬЮ

Москва, дата записи: март 2023 года

— *Почему вы занялись профайлингом?*

— Несколько лет назад я довольно долго работал с одним человеком и все это время не подозревал, что он убийца. Жестокий маньяк-менеджер, который управлял такими же монстрами, как и он сам. Я не знаю почему я не заметил ни единого сигнала. Ни единого. И из-за этого чуть не отправился на тот свет.

— *А как такое могло случиться? Как это вообще устроено, можете объяснить? Я правда не могу у себя в голове уложить... Вот человек, у которого есть психические проблемы, так почему по нему этого не видно?*

— На самом деле видно, если знать, куда смотреть. Если бы все знали, то мы бы легко вычисляли всех маньяков и ловили бы их. Останавливали бы. Вот это я и захотел понять: куда смотреть, что искать. Меня это

коснулось лично, и поэтому я заинтересовался. Поначалу просто ради себя, чтобы разобраться... А может быть, чтобы снять вину. Потому что, пока я смотрел на него и ничего не подозревал, он продолжал убивать. Точнее, управлять своим отрядом убийц. Вот как минимум это было общим между человеком-профессионалом и человеком-маньяком. Они оба были превосходными менеджерами.

— *Вы захотели понять, могли ли распознать в коллеге маньяка? Я правильно поняла?*

— Да, Надя, вы меня поняли правильно.

— *И к каким выводам вы пришли?*

— Я бы не смог. Без специальных знаний никто бы не смог.

— *И этих знаний у российской полиции нет, верно?*

— Абсолютно. Этим никто не занимается. Правоохранителям не до «карт Таро», как выражаются некоторые высокопоставленные представители ведомств. Они не считают профилирование серьезной отраслью криминалистики, которая на самом деле может помочь вычислить убийцу, остановить его. В США этим занимаются очень давно.

— *Вы можете теперь сказать, куда смотреть? Что выискивать в людях? Ведь это очень страшно — находиться рядом с человеком и не подозревать... Я сейчас говорю, а у меня мурашки по коже...*

— Да, я расскажу вам, Надя, какие есть сигналы, что должно заставить вас насторожиться. В этот момент кое-кто из вашего окружения уже занервничал...

— *Виктор, я понимаю, что вы пытаетесь шутить, но это совсем не смешно.*

— Извините, Надя.

РЕЙС МОСКВА — ЛОС-АНДЖЕЛЕС

2 марта 2018 года

Воздушное судно: Аэробус А350-900

Крейсерская скорость: 903 км/ч

Время в пути: 12 часов 10 минут

Расстояние: 9769 км

Время вылета (московское): 02.03.2018, 14:00

Планируемое время прибытия (лос-анджелесское):
02.03.2018, 16:10

Леше всегда становилось плохо в полете. Хоть выспись до рейса, хоть вообще не спи заранее в надежде, что от усталости вырубит на фиг. Хоть ешь бортовую еду, хоть не ешь — один черт раза три в туалете придется позаседать. Жаль, нельзя накидаться спиртным или снотворным и отключиться, потому что за детьми обязательно нужно следить. Бывает, попадаются нормальные стюардессы, которые дают поспать пару часов, а сами в это время приглядывают за ребятней, чтобы те не разнесли самолет в клочья, но сегодняшний рейс явно не из таких. Бортпроводницы в первый раз летят в заграничную командировку, это Леша понял по их донельзя деловым физиономиям и безупречным холодным манерам. Наверняка ожидали увидеть богатых бизнесменов и одиноких футболистов, а получили полсамолета детей и несколько многочисленных армянских семей. Оттого и злые как черти.

Леша горестно вздохнул, полез на багажную полку, стянул вниз портфель, вынул папки и уселся обратно. Командир корабля по громкой связи напомнил, что приоритетом авиакомпании является безопасность пассажиров, в связи с чем на всех рейсах строго запрещено

курение и употребление принесенных с собой спиртных напитков. Можно подумать, что, налакавшись купленным на борту алкоголем, люди буяннить не будут. А вот если принесенным с собой, то тушите свет! Леша вздохнул и тут же подумал, что в последнее время стал часто вздыхать, как дедок в состоянии острого осуждения. Ну еще бы, кому это понравится — под предлогом обеспечения безопасности запрещать употребление спиртного, купленного в дьюти-фри. С запретом на курение на борту Леша был согласен полностью, потому что вспыхнувший огонек в туалете в мгновение ока перерастет в пожар из-за сухого воздуха в салоне. Вырвись пламя за пределы туалета — и все сгорит за три минуты. А вот с табу на бухлишко согласиться не мог: какая разница, какого вина насосется потенциальный буян? Хоть земного, хоть воздушного — один фиг, будет фестивалить.

Самый проблемный из подопечных сидел рядом, притворялся спящим. Леша повернулся к нему, помахал рукой перед лицом, парень заулыбался.

— Я же вижу, что ты не спишь, Димон. Давай-ка смотри в окно, мне надо немного поработать. И не суй нос в документы, здесь все конфиденциально.

— Хорошо, — послушно ответил Дима.

Ну и, естественно, не успел Леша открыть папку, как парень усиленно засопел. У него дислексия, и читает он с большим трудом. Как раз это он и пытался сделать сейчас. Леша заранее знал, что так будет, и поэтому предварительно заклеил желтым стикером фотографию и Ф. И. О. в анкете, оставил только текст, который Димону не удастся быстро усвоить. Анкету каждого подопечного Леша помнил практически наизусть, и сейчас ему

даже не пришлось приподнимать стикер, чтобы понять, о ком речь.

Очаровательную и милую Дарью в детском доме звали только Дашулей и никак иначе. Восемь лет, острая лейкемия, стадия ремиссии. Девочка из Владивостока, это первая поездка в Лос-Анджелес. Родители — пьяницы, и если бы не глазастая воспитательница в садике, заметившая синяки на теле девочки, то ребенок умер бы от кровотечения. Воспитательница решила, что малышку избивают, вызвала социальную службу. Девочку отправили в больницу, где и диагностировали рак крови, который давал синяки по телу. Слава богу, что у одного из родителей, отца, хватило благоразумия отказаться от спиртного на несколько месяцев, чтобы стать донором костного мозга, а вот мать ушла в глубочайший запой, из которого, кажется, до сих пор не вышла. Дашулю прооперировали, на радостях отец присоединился к матери, за что их обоих и лишили родительских прав. Дашуля попала в детский дом, куда приезжала потенциальная приемная семья, чтобы пообщаться с девочкой, а сразу после начали готовить документы на удочерение. Самое важное сейчас — чтобы временное попечительство прошло успешно, тогда можно будет получить разрешение и забрать Дашулю насовсем. К анкете был прикреплен листок с Лешиными заметками, в которых он описал риски: страх перед болезнью девочки, возраст, в котором трудно будет выучить язык, чрезмерно заботливый родной брат (есть подозрения, что парень уже попивает). Это серьезно, поскольку до реального удочерения пройдет в лучшем случае год, за это время болезнь может вернуться, и тогда процесс придется остановить на все время лечения. К тому време-

ни брат достигнет совершеннолетия — сейчас ему 16 — и начнет оформление опекуна над сестрой, у него преимущество. И все это время девочка не сможет нормально учить английский. Если она придет с нулевыми познаниями в Америку, то адаптироваться быстро у нее не получится. Казалось бы, и не с таким справлялись, но на практике у Леша бывали дети и с меньшими рисками, которые после первого визита в Америку возвращались в детдом. Леша пометил риски цифрой «1» — это означало, что у него есть месяц, чтобы Даша осталась за границей. Это нереально, против всех правил, но что-то придумать нужно. Других вариантов подстелить солому под это дело Леша не видел.

— Капитан корабля включил световое табло «Пристегните ремни», просьба ко всем пассажирам вернуться на свои места, пристегнуть ремни, поднять откидные столики и выпрямить спинки кресел. Ожидается турбулентность.

Мимо быстрым шагом прошла стюардесса, зорко поглядывая на пассажиров. Обнаружив в четвертом ряду что-то, что ей не понравилось, она обернулась, нашла глазами Лешу и подозвала его. Леша отстегнул ремень, встал и подошел к стюардессе.

— Что здесь?

— Я лично пристегивала молодого человека четыре раза, однако он отстегивается. Мне придется принять меры, если вам не удастся его убедить.

В ряду сидели трое его подопечных: Вадик, его сестра — оба примерно одинаковой крупной комплекции — и между ними худющая голубоглазая блондинка-пятнадцатилетка. Проблема была у Вадика — ремень хоть и застегивался, но сильно давил.

— У вас есть дополнительная секция ремня? — спросил Леша у стюардессы.

Та милейше улыбнулась и ответила:

— К сожалению, не осталось ни одной. В салоне бизнес-класса все раздали. Если молодой человек сядет ровно, то ремень застегнется. Мы четырежды это проделали вполне успешно.

— Мне давит, — настаивал Вадик.

— А жрать надо меньше, — ответила блондиночка. — Мало того что из-за тряски ты вылетишь из кресла и помнешь всех нас, так еще и развалился на оба подлокотника. Сижу как селедка в банке, с обеих сторон зажали.

Леша наклонился к ребятам.

— Так, ребята, давайте-ка все вместе сделаем над собой усилие, ладно? Вы двое, — он кивнул на брата с сестрой, — перестаньте ее теснить. Я пойду и попробую найти дополнительную секцию ремня. Вадик, можешь, пожалуйста, застегнуть ремень и не расстегивать, пока не погаснет табло?

Вадик застегнул ремень и виновато посмотрел на Лешу.

— Отлично, а теперь вернитесь на свое место, пожалуйста, — сказала стюардесса с непроницаемой улыбкой.

Леша проигнорировал ее просьбу и пошел вслед за ней.

— Куда вы? Займите свое место и пристегнитесь, — велела стюардесса строгим голосом.

— Увы, не могу, — возразил Леша. — Я обещал, что пойду в бизнес-класс и найду дополнительный ремень, раз вы этого сделать не можете.

— Нет, вы вернетесь на свое место, — процедила стюардесса. Ее глаза недобро заблестели.

— Послушайте, я обещал. До турбулентности еще минут десять. Я успею. Если этого не сделать, парень отстегнется, и мы все с вами будем в опасности. Ему реально давит.

— Хорошо, я попробую что-нибудь придумать, — ответила стюардесса. Голос у нее при этом был ледяной. — Вернитесь, пожалуйста, на место.

Леша вернулся на свое место.

— Ну е-мое. Я же сказал, что это конфиденциально.

— Я просто подержал!

— Ты врун, Димон! — ответил Леша и взял в руки папку.

Он следил за четвертым рядом, вытянув шею. Понять, отстегнулся ли Вадик, было невозможно. Одна надежда на его соседку, которая поднимет вой, если Вадик потихонечку освободится. Стюардесса быстрым шагом вернулась в хвост самолета, уселась на свое место и накинула ремень крест-накрест. Ей просто по фигу.

Самолет начало потряхивать.

Леша встал.

— Вернитесь на свое место, — раздался сзади угрожающий голос стюардессы. Леша сделал вид, что не услышал.

Салон бизнес-класса располагался в передней части самолета. Чтобы пройти туда, нужно миновать семь рядов кресел, потом рамку, разделяющую салоны. Это некий психологический барьер — никогда не знаешь, можно ли тебе незаконно ступить на территорию бизнес-класса или нет. Как будто одна из стюардесс материализуется на месте и громко скажет, что эта часть самолета для людей высшего слоя и вам, челяди, тут делать нечего.

Но никто к Леше не подошел.

Самолет уже прилично шатало, Леша держался за пухлые спинки кожаных кресел, чтобы не упасть. Сидящая впереди салона стюардесса быстро отстегнула ремни и направилась к нему.

— Мне нужна дополнительная секция для ремня, — сказал Леша, опережая ее вопрос.

— Какое кресло?

— Место «С», в четвертом ряду экономкласса.

— Я вас поняла, сейчас все сделаю, вернитесь, пожалуйста, на свое место.

— Я просил бортпроводницу в нашем салоне еще до того, как начало шатать, она мне пообещала, но ушла в хвост и уселась в свое кресло. А парню давит ремень. Он просто отстегнется, и все, понимаете? Я ему обещал. Этих детей нельзя обманывать.

Стюардесса улыбнулась не служебной улыбкой, а самой настоящей, человеческой. Леша сразу ей поверил. На ее бейджике было написано «Винера».

— Вы просили вон ту бортпроводницу? — спросила Винера и кивком указала в хвост самолета, где сидела та самая стюардесса и осматривала салон взглядом коршуна.

— Да, ее.

— О, ее нельзя просто так уговорить что-то сделать. Она делает только то, что считает нужным. И если она решила, что ваш парень будет страдать, значит, он будет страдать.

В этот момент самолет хорошенько тряхнуло, у Леша подкосились ноги, он чуть не упал. Винера придержала его.

— Пожалуйста, вернитесь в свое кресло. Я вас поняла и все сейчас сделаю.

Леша послушался. У него заложило уши, стала подкатывать дурнота. Он вернулся на свое место, пристегнул ремень.

Винера действительно почти сразу появилась с дополнительной секцией для ремня, пристегнула Вадика и удалилась в бизнес-класс.

Капитан погасил табло «Пристегните ремни» только через час.

Леша пошел проверять своих подопечных. Помимо троицы с Вадиком во главе, у него было еще двадцать ребят, раскиданных по всему салону. Из кухни снова запахло едой, ребята оживились. Леша дежурно попросил детей есть аккуратнее, чтобы не получилось как в прошлый раз, когда горячая рыба из касалеток оказалась у них на коленях.

В первом ряду, сразу за бизнес-классом, сидела Дашуля и плакала. Оба места рядом с ней пустовали.

— А где пацаны? — спросил Леша.

Даша быстро вытерла слезы и ответила сильным голосом:

— В туалет ушли.

Леша и сам это знал — видел их в хвосте самолета в очереди в уборную, но все равно спросил, потому что ему нужно было заговорить с девочкой.

— Мне кажется или ты плачешь? Парни тебя обидели?

Даша отрицательно помотала головой, но слезы все же предательски выступили.

— Эй-эй, ты же знаешь, что в самолете сухой воздух и начинается обезвоживание. А ты еще и специально теряешь влагу. Расскажи мне: что случилось?

Рядом появилась бортпроводница Винера.

— Я чем-то могу вам помочь? — спросила Винера у Даши и посмотрела на Лешу.

Тот пожал плечами.

Винера села в свободное кресло, взяла девочку за руку.

— Тебе страшно летать? Ты боишься? Или тебя кто-то обидел?

Даша отрицательно помотала головой, а потом заплакала, спрятав лицо в ладонях. Винера гладила девочку по плечу и что-то ласково ей шептала, и в конце концов та повернулась к Леше, подняла рукав футболки и показала предплечье.

— Видите?

Леша видел. Это был синяк. И если для любого другого ребенка синяк — это просто синяк, то для Даши он может быть очень опасным симптомом.

— Что там? Синяк? Тебе больно? — спросила Винера.

— В том-то и дело, что мне не больно, — ответила Даша, — и это не просто синяк. Это рак. Он вернулся.

Винера легонько коснулась пальцем синяка.

— Глупышка, это не синяк при лейкозе, это синяк оттого, что тебя кто-то ущипнул. Видишь, как будто два отпечатка пальцев? Он еще красный, это сделали недавно. Видимо, ты уснула, а парни тебя ущипнули. Сейчас они придут, и мы их спросим. Уверена, так все и было.

— Никто меня не щипал, — ответила Даша. — Никто.

— А есть на теле еще синяки?

— Не знаю.

— Давай сходим и посмотрим.

— Прямо сейчас? — спросила девочка.

— Прямо сейчас, — ответила Винера, встала и протянула руку.

Девочка посмотрела на Лешу, тот кивнул. Девушки удалились за шторку бизнес-класса, и как раз в это время подросли два брата-акробата.

— Ну, признавайтесь, кто уцупнул Дашу? — спросил Леша.

Парни тут же сознались.

— Ну вы даете. Как дети, ей-богу. Даша сильно расстроилась.

Из-за шторы показались Винера с Дашей. Девочка выглядела лучше. Видимо, синяков больше никаких они не нашли, хотя Леше было тревожно, от этого сильно разболелась голова и стало подташнивать.

— Дашуля, прости, что уцупнул тебя, — сказал один из парней. — Ты храпела.

Девочка закатила глаза и села на свое место, заметно повеселевшая. Кажется, она успокоилась.

— Ну что, пацаны, придется вам отдать свои десерты Дашуле, — сказал Леша, — в качестве компенсации морального вреда. Приду — проверю.

Парни погрустнели, а Леша повернулся к Винере и сказал:

— Спасибо, что помогли ее успокоить.

— Я рада, что это просто синяк.

Леше показалось, что в глазах у нее слезы.

— У моей дочери тоже был лейкоз, — тихо сказала Винера, — и я знаю, как выглядят те синяки, я вдоль и поперек все изучила. Это не оно — видно, что от травмы, а не кровоподтек. И других синяков нет, на ощупь температура нормальная, слабости нет. За что детям такое? Всю жизнь будет переживать и бояться. А с вами-то все хорошо? Вы бледный.

Леше действительно заглохло. К тошноте и головной боли присоединилось головокружение. А еще будто бы сковало плечи и давило на грудь, хотелось глубоко вдохнуть.

— Да, чего-то развезло.

— Вы пили что-то? Алкоголь? Кофе?

— Нет, только воду. Ел курицу с рисом, овощи.

— Живот не болит?

— Нет. Но тошнит.

— Вы очень бледный. Пойдемте в уборную, вам нужно умыться. Может быть, станет легче. Я пока придумаю, чем вам помочь.

Она проводила его, Леша побрызгал прохладной водой на лицо. Не помогло. Он вышел, пошатываясь, и двинулся в сторону салона экономкласса. Винера поймала его и сказала мягким голосом:

— Ложитесь здесь, на этом ряду. Вот таблетка, выпейте. Это от укачивания, должно полегчать.

— Мои дети...

— Не переживайте за детей, я за ними пригляжу. Все будет хорошо, отдыхайте. С дыханием сложно, да? За грудиной болит? Вот здесь?

Винера коснулась пальцами места, за которым у Леша пекло. Он кивнул. Воздуха не хватало.

— Все будет хорошо, ложитесь.

Леша лег и сразу провалился в туманный сон. Он пытался выпутаться из-под тяжелых теплых одеял, давящих на грудь, хотел распахнуть окно, чтобы было чем дышать. Когда прохладный воздух коснулся его лица, он был полностью изнеможен. Так плохо ему не было никогда в жизни.